

Елена
АРСЕНЬЕВА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

ОХОТА
на красавиц

ЭКСМО

Елена Арсеньева

Охота на красавиц

«Автор»

1998

Арсеньева Е. А.

Охота на красавиц / Е. А. Арсеньева — «Автор», 1998

ISBN 5-04-006641-4

Даже прекрасный день легко может стать самым ужасным в жизни... Именно это произошло с красивой и преуспевающей Кирой Москвиной – молодой ученой, сделавшей открытие мирового значения. Она внезапно обнаружила, что весь мир ополчился против нее, гибнут друзья, кругом только враги, на каждом шагу подстерегают опасности – на нее ведется самая настоящая охота! Никому нельзя верить, кроме одного-единственного человека, случайного попутчика, который вроде бы искренне хочет помочь... или только делает вид, а на самом деле ведет Киру напрямик в западню?

ISBN 5-04-006641-4

© Арсеньева Е. А., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Елена Арсеньева

Охота на красавиц

*По переулкам бродит лето,
Вихри снежные крутя...*

Народная песня

Она была пунктуальнее собственных часов...

«Здорово смахивает на эпитафию!» – сердито подумала Кира, в очередной раз выпавшая из модельной «вьетнамки» на толстенной неподъемной платформе. Два хиленьких ремешочка были не в силах сдерживать стремительные Кирины шаги. То, что всего этих ремешков было четыре (две ноги умножим на две «вьетнамки»), устойчивости походки все равно не способствовало. Тем более здесь... Коктебель (он же Планерское) – дивное местечко, сотворенное богами в минуту наилучшего расположения духа и наивысшего творческого вдохновения, однако дороги тут препоганые, засыпанные какой-то колючей горелкой поверх бранных останков асфальта. Пробежка по ним (в гору, все время в гору, по не спадающей даже к вечеру июльской жаре) – занятие утомительное и медленное. Но уж коли ей так не в кайф опаздывать... Какая жалость, что только ей, печально подумала Кира, бросая полные надежды взгляды на кипарисовую аллею, ведущую к местному отделению милиции. Почему Алка назначила встречу именно здесь? Ну, она известная фантазерка. Главное, встретиться сговорились в пять, а сейчас уже четверть шестого! Кира вполне успела бы забежать домой, принять холодный душ и что-нибудь проглотить, а то ее даже подташнивает от голода и усталости.

«Перекупалась и перегрелась», – подумала Кира и обреченно поковыряла платформой черную горелку, вообразив, как обрушится на нее Алка.

«Дитя, – скажет, – малое, неразумное! Нимфа зачуханная! Чего лезть в воду, коли не знаешь броду? И на черта жариться под солнцем, если я каждый год, регулярно, с тебя, с обгорелой, по семь раз лоскутья снимаю?» Именно это и скажет Алка – как только появится: через минуту, через четверть часа, а то и... через час! Вот забавно: Кира готова спорить на свой несравненный «Ролекс», что Алка скажет именно это. А вот за то, что подруга появится хотя бы в течение ближайшего часа, Кира не поставит даже одну из своих поганеньких «вьетнамок». Причем еще не родился на свет человек, на встречу с которым Алка пришла бы вовремя...

«Нет, родился!» – с изумлением перебила Кира свои обличительные речи. Этого человека звали Мэйсон Моррисон, и он был главой корпорации «Моррисон, Сэлвидж и К°». Именно Мэйсон от имени своей компании в марте сего года предложил госпоже Москвиной (Кире) и госпоже Вихновской (Алке) подписать некий контракт... Именно Мэйсон подарил тогда Кире и Алке по «Ролексу»: в залог вечной дружбы, как пояснил он, искательно заглядывая в холодные серо-голубые Кирины и жаркие жгуче-черные Алкины очи. Но поскольку ни в тех, ни в других Мэйсон не прочел желанного «да», он наполнил свои собственные орехово-карие небольшие глазки стоическим терпением и объявил, что все понимает: дамам надо подумать.

«Да уж!» – подумали дамы. Мэйсон предлагал им совершенно сказочные условия для жизни и работы! Но дамы пока еще колебались. Все-таки решиться, выражаясь по-старинному, на измену Родине – это не туфельки новые купить!

«О господи! – с внезапным ощущением близкого и вполне доступного счастья встрепнулась Кира. – Да что ж я мучаюсь-то, скажите на милость? Вон же «Обувь – одежда», я сейчас куплю что-нибудь человеческое на ноги. Немедленно! А Алка, если появится, пусть ждет. Ничего, не треснет».

Она рванулась к двери в «Обувь – одежду», находившуюся в двух метрах от входа в отделение, однако ее ожидало сильнейшее разочарование: дверь оказалась запертой на засов с

висячим амбарным замком. И Кира вспомнила, что за всю неделю отдыха ни разу не видела ее открытой.

Могучий четырехугольный сержант с «жовто-блакитными» лычками на погонах (знак принадлежности к радяньской милиции великой и древней незалежной страны Хохляндии), заметив огорчение на Кирином лице, любезно расшифровал содержание выцветшей до однородной белизны записки, прикрепленной чуть выше засова: «Ушла на базу».

Кира взглянула на сержанта неодобрительно: судя по виду записки, продавщица «Обуви – одежды» ушла на базу в непредставимо давние времена – столь давние, что впору было объявить всесоюзный розыск, а не торчать тут, подпирая и без того крепкие стены да болтая с девушками. Впрочем, вполне возможно, всесоюзный розыск и был некогда объявлен... но канул в Лету вместе со всем Союзом.

Ладно, ушла на базу, так ушла, слишком огорчаться не стоит. Вот появится (когда-нибудь) Алка – и они вместе добредут до универмага, это каких-нибудь сто шагов. Кошмар... но там уж наверняка сыщутся какие-никакие босолапки для бедных Кириных ножек.

Кира со стоном пошевелила пальцами. Конечно, легче сейчас пройти сто шагов до универмага, чем двести – до дома, где они с Алкой снимали квартиру и где у Киры, конечно, были другие босоножки.

«Еще минута, и я упаду с этих треклятых платформ!» – с ужасом подумала Кира. Она стиснула зубы, но сквозь узкую щель прорвался невольный смешок. Алка собиралась произвести фурор – появиться не одна, а с новым кавалером. «Увидишь – упадешь!» – было торжественно обещано.

Кира в сомнении покачала головой, но даже это слабое движение едва не сбило ее с ног.

Кто-то вкрадчиво кашлянул рядышком, и Кира увидела того самого сержанта.

– Устали, барышня? – задушевно спросил он. – Может, присядете? Туточки, близенько, в холодочке?

Он сделал широкий жест в сторону гостеприимно распахнутой милицейской двери. Кира несколько опешила, однако почти сразу углядела два полуразвалившихся деревянных ящика, лежащих под общипанным кипарисом и выполнявших роль садовых скамеек. Значит, сержант под словом «присесть» не подразумевал ничего такого...

Однако, судя по запаху, местечко «туточки, в холодочке» частенько исполняло также роль общественного туалета, поэтому Кира ответила сержанту сдержанной улыбкой и демонстративно поглядела на запястье, отягощенное американским золотом: некогда, мол, мне тут расслаживаться!

А между тем «Ролекс» показывал уже семнадцать тридцать...

«Нет, я все понимаю: новая любовь, красоты Карадага, то-сё, но не до такой же степени?!» – сердито фыркнула Кира и сделала несколько мучительных шагов по аллейке, пытаясь избавиться от пристального милицейского взгляда в середину груди. Казалось, тот пытается выяснить, имеется ли под Кириным топилом лифчик – или нет. Причем вид у сержанта был такой, будто он не прочь от визуального контакта перейти к тактильному. Кира на всякий случай сделала суровое лицо и, пытаясь напомнить сержанту о его основных обязанностях, застыла перед щитом с листовками, над которыми линиями, еще советскими, буквами было начертано: «Их разыскивает милиция».

Ну и рожи... Почему-то у всех разыскиваемых оказались злоеющие черные волосы и мрачные черные глаза. Вообще, они все уродились как-то на одно лицо: что Авдоня Петр Иванович, 1939 года рождения, что Каллистов Евгений Микоянович, родившийся в 1951 году, что Сергеев Сергей Сергеевич – вовсе малолетка, с 78-го. Вдобавок все трое были домушниками. Точно так же на одно лицо показались Кире сорокалетняя Лизунья Манана Азбековна и Помалу Эльвира Михайловна, прожившая на свете тридцать лет. Правда, женщин можно

было различить хотя бы по профпринадлежности: Манана Лизуня была воровкой, а Эльвира Помалу – мошенницей, выдававшей себя за сестру Софии Ротару.

Мысленно изумившись человеческой изобретательности (как только не делают деньги!), Кира скользнула взглядом дальше – и у нее волосы встали дыбом. Если эти две дочери великих абхазского и молдавского народов были хоть и опасны для общежития, но все же не смертельно, то следующую особу надлежало изолировать от людей немедленно, и самым решительным образом. Кира с содроганием читала перечень преступлений: совращение несовершеннолетних, некрофилия, убийства и даже (о господи! Как таких земля носит?!) – расчленение трупов! «Расчлененка» – вот как это называется в обиходе... Кира собралась с силами и наконец осмелилась поглядеть на портрет специалистки в деле человекоубства.

Да... Ломброзо тут утерся бы, это факт. Никакой патологической агрессии в чертах: лицо приятное во всех отношениях, можно сказать, даже красивое. И хоть зачернено, разумеется, донельзя, но список примет заставляет пожалеть, что женщина с такими внешними данными находила утешение только в объятиях «спящих красавцев» (в смысле, спящих вечным сном).

«Рост высокий, – читала Кира, – телосложение среднее (высокая, стало быть, и стройная), волосы русые, слегка вьющиеся, ниже плеч, носит их обычно заплетенными в косу («Как я», – кивнула Кира), лицо овальное, подбородок круглый, с ямочкой, рот средний, нос слегка вздернутый, глаза большие, цвет – серо-голубой или серо-зеленый, в зависимости от цвета одежды (или серо-красный, да? «В зависимости от цвета одежды!» Ну и примета!), брови прямые, ровные, невыщипанные...»

Нет, это надо же, какие подробности про мерзкую извращенку! Кира, к примеру, тоже не выщипывает бровей, однако не видит причин сообщать об этом всему прогрессивному человечеству! А не от хорошей жизни, видать, эта красивая и смелая подалась в расчленительницы...

Кира еще раз скользнула взглядом по портрету, мысленно «раскрасив» его перечисленными приметами, как в детстве – книжку-раскраску. Странное ощущение – будто она где-то видела эту зловещую красотку, причем совсем недавно. Буквально сегодня! Однако же Кира весь день провела на пляже. Так, может быть, на пляже и видела?

И вдруг ее осенило. Но ответ был слишком невероятен, чтобы вот так, сразу, поверить в него...

Кира собралась с духом – и наконец-то заставила себя признать, что серо-голубые или серо-зеленые глаза (в зависимости от цвета одежды!), а также невыщипанные брови в сочетании с недлинной косой она видела сегодня в зеркале.

Некрофилка и т. д. была схожа с ней как две капли воды. Как близнец с близнецом. Как Рем с Ромулом. Как Виола – с Себастьяном. Как Железная Маска с Людовиком XIV. Как сиамская Даша с сиамской Машей, наконец!..

Кира испытала сильнейшее желание оказаться как можно дальше от опасного плаката. А вдруг сержант, который вкрадчиво прохаживается за спиной, ощупывая взглядом все подробности «среднего телосложения», тоже в детстве увлекался раскрасками?.. Убеждай потом его, что ты не эта, как ее там... А кстати, как ее зовут, эту коктебельскую Железную Маску?

Кира опасливо скользнула взглядом выше и прочла:

«За совершение тяжких преступлений разыскивается Москвина Кира Константиновна, 1968 года рождения».

«Надо же! У нее даже год рождения, как у меня!» – почему-то сначала подумала Кира, и только потом уже, через несколько секунд, до нее дошло, что год – это тьфу, ничего. Это еще не «надо же!». Ведь она и есть – Москвина Кира Константиновна. И, стало быть, именно она – совратительница несовершеннолетних, некрофилка, а также мастер «расчлененки». И за совершение тяжких преступлений разыскивается именно она...

Первым побуждением было сорвать глупое, оскорбительное объявление. Рука Киры непроизвольно рванулась вперед и вверх – и брякнулась о стекло. Если ее кровожадная тезка, Манана Лизуния, Эльвира Помалу и прочая преступная компания физически все еще разгуливали на свободе, то изображения их были надежно заключены в стеклянный ящик под всяческим замочком. Любят они здесь, в Коктебеле, замочки всякие...

И в то же самое мгновение, когда Кира поняла, что незамедлительно ликвидировать инсинуацию не удастся, и уже собралась призвать на помощь милицию, она ощутила на своем затылке тяжелое дыхание. Знакомый сержант воздвигся за Кириной спиной и провозгласил:

– Документики попрошу... я извиняюсь!

Это «я извиняюсь», до ужаса не соответствующее протоколу, Кира отнесла только за счет того, что вид сзади все же позволил сержанту выяснить: нет, ну нет у нее лифчика под топиком! И ей хотелось хоть чем-то, хотя бы ладошками, прикрыться, когда, наконец оглянувшись, она тоненьким девчоночьим голоском виновато созналась:

– У меня нету с собой документов.

Тяжелые, небрежно вырубленные черты сержантского лица вмиг обострились и приобрели некий налет сурового, не побоюсь этого слова, профессионализма.

– А фамилия-имя-отчество ваши как будут? – осторожно, словно подкрадывался к неведомому злодею, поинтересовался он.

– Кира... Москвина, то есть Москвина Кира Константиновна, – ляпнула она, чувствуя себя кроликом под гипнотизирующим взглядом удава, и ноги у нее подогнулись, когда этот самый взгляд полыхнул нескрываемым торжеством.

Тут же Кира люто выругала себя за неуместную откровенность. Да назвалась бы как угодно, хоть Заремой Султан-Гиреевой! Конечно, эта дама зарезала соперницу ножом в районе Бахчисарайского фонтана, однако преступление было совершено из ревности, в состоянии аффекта... На такие дела суд должен взглянуть снисходительно. И это неоспоримо лучше, чем тот «мокрый» хвост, который тянулся за К.К.Москвиной!.. Однако Кира тут же вспомнила, что вышеназванная Зарема паспорта тоже не имела, да и понесла уже наказание: утопили ее, сердешную...

А сержант вцепился вопросами, как клещами:

– Где проживаете на данной территории? Санаторий? Пансионат? Частная квартира? Или диким образом? Или проездом здесь?

– Частная ква... квартира, – тихо проквакала до тошноты правдивая Кира, и огоньки нового оживления вспыхнули в сержантовых глазах.

– Чья квартира будет?

Кирина правдивость требовала ответить честно и прямо: «Не знаю, чья будет, это еще не решено: может, баба Нонна дом завещает внуку, сыну младшей дочери, а может, внучке, дочери старшего сына. Скорее всего оба они передерутся из-за бабкиного наследства!» Но она решила не углубляться в юридическую футурологию и опять призналась в суровом настоящем:

– Бабы Нонны Катигроб... – Голос ее жалобно дрогнул.

Сержант удовлетворенно кивнул. Его извращенный с младенчества слух не отметил ничего особенного в жуткой бабы-Нонниной фамилии.

– Приморская, 4а, – выдал его «компьютер», прикрытый от солнца милицейской фуражкой, чтобы не перегревался. – Так точно. Громадянка Катигроб докладывала, шо в ее хате квартируют две симпатичненькие дивчинки... – И он с превеликим сомнением оглядел Киру с головы до ног и с ног до головы.

«Черт бы тебя подрал! – обиделась Кира. – Если на мне «расчлененка» висит, так я уже и не симпатичненькая, да?»

– Пройдемте, – пригласил сержант.

– Послушайте, я не понимаю! – не возмущенным, как следовало бы, и вовсе не своим, а каким-то искательным, жалостным голосишком возопила Кира. – Вы что, приняли всерьез всю эту чепуху?!

Она возмущенно ткнула пальцем в фото с невыщипанными бровями и извращенными склонностями. Палец со звоном ударился в стекло и был схвачен на месте преступления бдительной милицейской пятерней.

– Поосторожнее с государственным имуществом! – предостерег сержант. – Пройдемте по указанному адресу! Надобно взглянуть на ваши документы!

Разумеется, на документы! На что же еще?!

Кира шла и маялась неправдоподобностью ситуации. Ужасно хотелось пустить в ход свое красноречие, ум, обаяние, внешность, в конце концов! Удерживала не гордость и даже не сознание полнейшей бесперспективности. Кира просто боялась, что, открыв рот, жалобно застонет: изделие итальянского папы Карло мог без ущерба для походки и здоровья носить только Буратино. Ноги-то у него деревянные...

«Дойдем – сразу переобуюсь, даже если меня за это посадят», – отважно поклялась себе Кира.

Она даже всхлипнула от счастья, завидев дом бабы Нонны, осененный раскидистыми абрикосами и увитый любимым Кириным гамбургским мускатом. От калитки вела бетонная дорожка, и Кира, выдрав из кожи врезавшиеся ремешки, босиком заковыляла к крыльцу, вызывая:

– Баба Нонна! Это я, Кира! Алка не вернулась?

– Чего орешь, как скаженная?! – последовал ответ, и Кира от изумления даже споткнулась на ровном месте.

Не слабо, однако... Еще с утра Кира (как, впрочем, и Алка) была исключительно голубонькой и ясочкой. Неужто на бабу Нонну так подействовало явление Мыколы с этой его угрожающе расстегнутой кобурой на бедре?

– Вы знаете эту девушку, гражданка Катигроб? – официальным тоном осведомился Мыкола, и баба Нонна, к тому времени наконец-то выдвинувшая на крыльцо свое увесистое тело, возмущенно вскинула устрашающе-черные брови:

– Какую? Да разве ж это девушка?!

– А кто? – озадачилась Кира, однако Мыкола, похоже, оценил ситуацию мгновенно.

– Та-ак... – протянул он. – Еще и поведение в быту, значит, хромает... Ну что ж, покуда поглядим все же на ваш паспорт! – И он приоткрыл дверь перед Кирой, которая вместе со своим поведением послушно заковыляла вперед, сопровождаемая бабы-Нонниным комментарием:

– Срамница известная...

Кира решила, что это ей послышалось.

В просторной горнице, которую они с Алкой снимали на двоих, Кира плюхнулась на стул совершенно без сил и, вытянув ноги, будто в тумане глядела, как Мыкола сноровисто потрошит ее сумочку. Баба Нонна стояла здесь же, сложив руки под обширным холмом груди, и с каким-то мстительно-кроважатым выражением провожала взглядом каждую мелочь, падающую на стол. Когда Мыкола вывернул наизнанку косметичку, глаза бабы Нонны хищно сверкнули, однако между двойными шелковыми стенками нащупано ничего не было – и взор хозяйки погас.

Однако вспышка сия навела Киру на некоторые размышления. Словно невзначай скользнув взглядом к потолку (может, взгляд вовсе к небу обратился в знак того, что она призывает силы небесные в свидетели своих страданий!), она попыталась определить, не вздумала ли баба

Нонна вытереть пыль с люстры. Показалось Кире, что вчера на плафоне вызывающе реяла длинная паутинка, а теперь ее вроде бы нет...

«Исключено, – подумала Кира. – Если отродясь никто ни о чем не догадывался – и она не догадается. Вон каким взглядом косметичку ела – небось думает, я все деньги при себе ношу!»

Жадная баба Нонна... жадная, увь! И, как только что выяснилось, злобная. Ее взгляды готовы были царапать Киру до крови, а громкие вздохи – обжечь, подобно выхлопам раскаленного пара! Однако что это ее так разбирает? Еще утром, когда Алка давала ей аванс за неделю, была – ну просто мать родная. А сейчас собственноручно готова скрутить Киру канатами. Неужто до бабы Нонны уже дошел слух о преступлениях Москвиной К.К., 1968 г р.? Эта дурацкая листовка небось там год висит, на нее никто и внимания не обращал, кто их вообще читает, эти милицейские благоглупости?..

«Матушка Пресвятая Богородица! – вдруг в ужасе спохватилась Кира. – Что же это я несу? Как это – год висит?!»

Не могла листовка висеть год. В таком случае приходилось признать, что где-то на земле действительно существует Кирина двойник, который и напорол в своей жизни весь этот многосерийный триллер. Или еще можно было нафантазировать, что сама Кира ведет двойную жизнь. Как мистер Джекил и мистер Хайд. Как оборотень, как Золушка, как Иванушка-дурачок, в конце концов... Глупости! Какие глупости!

Нет, все-таки всегда надо доверяться первой мысли. А первая мысль была такая: все это – розыгрыш! Кто-то неведомый (ну, он, наверное, гордится собой, придурок!), проявив такое же придурочное чувство юмора, взял Кирина паспорт, перекатал на увеличивающем ксероксе фото, набрал на компьютере идиотский текст, призвав на помощь все самые плохие детективы, потом совместил текст и фото... Это не трудно. Куда сложнее проделать операцию по вывешиванию объявления. Но и это выполнимо. И вот – результат!

«Ох, попадись мне этот весельчак! – со сладкой тоской возмечтала Кира. – Я бы ему... ей...»

Ей! Ну конечно же – ей! Что тут голову ломать? Кто, кроме Алки, может взять ее паспорт и проделать этакую глупую смешилку-страшилку? Чувство юмора у Вихновской как раз такое... подходящее. Вот она бы, между прочим, отлично прижилась в Америке. Все по Задорнову! Объявление: «Выходя из самолета, убедитесь в наличии трапа!» – ее рассмешить не способно, однако 1 апреля она с наслаждением выписывает сотрудникам лаборатории командировки по области, в самые медвежьи углы, – а потом удивляется, что не слышно счастливого смеха. Точно, Алка! Потому и была назначена Кире встреча возле этого злополучного стенда! На этот раз подружка явно не собиралась опаздывать. Она, конечно, намеревалась вывалиться из джипа вместе со своим свежим кавалером (при виде которого Кире предстояло упасть) и для начала показать ему это объявление... Тут, пожалуй, упала бы не только Кира! А что было бы потом – Алке не важно. Она никогда не заботилась о том, сколь далеко разлетятся осколки взрываемых ею шутих!

Ну, пусть Алка только появится...

Кира очнулась от раздумий и обнаружила, что Мыкола уже обследовал весь ее багаж. Вещи кучей громоздились на диване, и баба Нонна, от роли понятой перешедшая к роли добровольной помощницы следствия, хваталась то за одно, то за другое платье, выворачивала карманы и азартно бормотала:

– Может, туточки?..

Кира выхватила у бабы Нонны юбку-распашонку, у Мыколы – «Космополитен», который тот изучал с пристальным, неослабным вниманием, и яростно воскликнула:

– Да что это такое, в конце концов?! По какому праву?..

– По праву нарушения правил паспортного режима, – мгновенно мобилизовался Мыкола. – К тому же вы находитесь на территории суверенного государства. Здесь вам не Россия, чтоб незнамо какие злодеи по улицам шастали!

Кира призвала на помощь все свое самообладание и сказала Мыколе (в то же время круто оттесняя бабу Нонну, которая так и рвалась исполнять свой гражданский долг, то есть рыться в чужом белье):

– Ну неужели вы не можете посмотреть на меня и поразмыслить? Ну разве я похожа на преступницу? Паспорт, очевидно, взяла моя подруга, она поехала с приятелем кататься, но вот-вот вернется – и скажет...

– Что скажет? – сверкнули Мыколины глазки.

– Господи, да я почти уверена, что это Алкина шутка!

– Такие шутки добрые люди не шуткуют, гражданка! – крутнул головой Мыкола, и Кира в данном случае готова была от всей души согласиться с ним.

– А ты Аллочку не трожь! – вдруг люто повела черным глазом баба Нонна и всем телом надвинулась на Киру. – Не впутывай ее, мою ясочку, в свои делищи греховодные! Аллочка – она и добренькая, и тихая, и слова поперек не скажет, и красавица из себя писаная!.. Ангел, сущий ангел!

Кира отшатнулась от нее. Ладно – красавица писаная! Впрочем, это еще процентов на десять соответствует действительности. Ведь находились мужики, которые просто как привязанные ходили за этой рослой – сто восемьдесят сантиметров, – худой, как спица, почти наголо стриженной брюнеткой с бойкими черными глазками. Ресницы у Алки были классные, это факт. А вот ноги... Она всегда носила только брюки или юбки до пят и уверяла, что терпеть не может заниматься любовью при свете. Что же касается остального списка добродетелей... Назвать скандальную, языкастую матерщинницу и интриганку Алку ангелом могла только Кира – когда Алка бралась привести в порядок кипы разрозненной «гениальной» писанины, отправив измученного «гения» домой спать. «Ах вот в чем дело! – сообразила Кира. – Ведь с бабой Нонной всегда рассчитывалась именно Алка... Хозяйка клевала именно с ее рук, вот теперь и выслуживается!»

Это было по меньшей мере смешно, если учесть, что все траты несла Кира: Алка только в Симферополе спохватилась, что бумажник с деньгами и картой Visa благополучно забыла дома.

Ладно, черт с ней, с бабой Нонной, в конце концов!

Кира разворошила сваленные как попало вещи и протянула сержанту темно-синий журнал, на котором серебрились буквы «Santific News».

– Шо це? – опасливо спросил Мыкола.

– Это очень престижный английский научный журнал, – с законной гордостью объяснила Кира. – Он так и называется – «Новости науки». Напечататься здесь – большая честь. Посмотрите, на пятидесятой странице – моя статья. Видите? Moskvina Kira C. – это я. И фото мое, видите? Статья посвящена протезированию глаз, но это долго рассказывать. Интересно пока только специалистам, практических результатов еще немного. Так вот посудите, разве может человек, статьи которого печатают в таких журналах и который работает по такой теме, быть преступником?

– Да, – задумчиво отозвался Мыкола, – туточки в натуре написано: Москвина Кира С.

– Да не С, а К, – фыркнула Кира. – Мое отчество – Константиновна – по-английски начинается с буквы С – си!

– Си-Си Кэпвел! – враз сказали Мыкола с бабой Нонной и переглянулись умиленно, словно признали свою принадлежность к некоему почетному братству.

– Но это не доказательство, – опомнившись, отшвырнул журнал Мыкола. – Подумаешь, написала чего-то. Наш лейтенант за сутки знаешь сколько бумаги на протоколы изводит? И

что – он писатель? Нет! Работник охраны правопорядка, всего-то и делов. Так и ты пишешь, а в свободное время... тьфу, язык сказать не поворачивается. И паспорта нету...

«Гони монету», – едва не добавила Кира, и, надо сказать, мысль такая у нее мелькнула давно. Но не будешь же совать взятку должностному лицу при бабе Нонне! К тому же кошелек Кирина опустел, а лезть в тайник при этих двоих... нет уж, спасибо!

– Нема, стало быть, паспорта, – не дождавшись продолжения, повторил Мыкола. – Значит, пройдемте!

– Куда? – растерялась Кира.

– На Кудыкину гору, – злорадно хихикнула баба Нонна, но Мыкола наградил ее неодобрительным взглядом:

– Туточки близенько. В отделение. Должен задержать вас до выяснения личности.

– Пойдемте! – обрадовалась Кира. – Ради бога! Сейчас свяжетесь по компьютеру с центром – и увидите, что эта листовка – полный бред!

Мыкола растерянно мигнул раз, другой и буркнул:

– Поглядим! – и сделал Кире знак идти вперед.

Но для начала Кира выудила из-под кровати самые расшлепанные из своих босоножек, застегнула их на самую последнюю дырочку и, обеспечив максимум устойчивости и сразу почувствовав себя лучше, вышла на крыльцо почти с легким сердцем, даже не оглянувшись на чернобровую предательницу. Пожалуй, когда эта чушь закончится и Кира будет реабилитирована, она поменяет квартиру. Так и быть: до конца недели заплачено, пусть Алка поживет у бабы Нонны. А Кира, поскольку она больше не «ясочка», переедет на другую улицу. Да хоть в избушку к бабе-яге! А может быть, снимет номер в пансионате. Даже сейчас, в сезон, это никакая не проблема. Надо было сразу там поселиться, однако Алка, помнится, повернула от самых дверей, увидев на стекле объявление:

«Не курите в постели! Пепел, который потом выметут из вашей комнаты, может оказаться вашим личным пеплом!»

Алка обычно курила в постели, вот в чем дело... А Кира – нет. И хоть ее тоже коробит от черного юмора этого объявления, Алкин юмор оказался куда чернее!

Ох, и скажет Кира ей при встрече пару ласковых...

Ноги у нее подкосились, когда оказалось, что никому ничего сказать не удастся: ни Алки, ни белого джипа около отделения милиции не было.

* * *

Кира как-то сразу сильно устала. Покорно вошла в прокуренную тесную комнатку, перегороденную барьером, покорно плюхнулась на лавку. Покорно слушала монотонное жужжание голоса Мыколы, излагавшего дежурному лейтенанту ход и суть событий.

Оба мужика поглядывали на Киру со странным выражением, очень похожим на испуг.

«Придурки, – мысленно подумала Кира. – Будь я той, за кого вы меня принимаете, я бы уже давным-давно расчленила вас вместе и по отдельности, но только меня не заинтересовали бы никакие ваши детали, не то что самку богомола!»

Почему-то эта мысль ее поразила. Как известно, самка богомола пожирает своего самца, пока занимается с ним любовью, оставляя напоследок самый лакомый кусочек. Однако никому и в голову не приходит назвать ее некро – или хотя бы танатофилкой...¹ Вообразив фасеточные глаза богомолихи под надписью «Их разыскивает милиция», Кира тихонько хихикнула – и очнулась от своего мгновенного полузабытья.

¹ Танатофилия – разновидность мазохизма, когда половое возбуждение неразрывно связано с тематикой смерти.

За это время расположение предметов в комнате изменилось: дежурный начал что-то писать, а Мыкола до того расхрабрился, что выбрался из-за барьера и встал за спиной страшной преступницы.

– О господи, – вздохнула Кира. – Протокол пишете, гражданин начальник? Оформляете задержание?

– Ишь, грамотная! – удивился дежурный. – Дивчина-то в нашем деле грамотная!

– А то! – отозвался Мыкола. – Со стажем, с опытом.

Кира со стоном склонилась вперед и сложила чуть ли не вдвое, так что почти легла щекой на колени.

– Эй ты, кончай психовать! – на всякий случай подал голос Мыкола.

– Если тут и есть психи, то это не я! – уныло заявила Кира. – Ну неужели, неужели у вас не вызывает подозрения то, что нигде не нашлось этой дурацкой листовки, что она только за дверью висела? Копии других ориентировок есть, а этой – нет. Не значит ли это, что листовка может быть поддельной?

– А может, копии просто потерялись? Или сперли их? – азартно спросил Мыкола, но Кира так искренно возмутилась: «В милиции?!» – что он стушевался.

– Уверяю вас, – решив воспользоваться мгновенным замешательством противника, Кира перешла в наступление, – что это злая шутка моей подруги. Понимаете, она назначила мне встречу около этого объявления, наверняка хотела меня разыграть, а сама куда-то пропала. И вот возникло дикое недоразумение.

Мыкола за ее спиной устрашающе зевнул: эту версию он уже слышал, и во второй раз она не показалась ему более убедительной, чем в первый.

Дежурный глядел на Киру так тупо, что она едва подавила желание взять телефонный аппарат и стукнуть лейтенанта по башке.

– О! – вдруг осенило ее. – У вас есть компьютер? Вызовите информацию по Кире Москвиной – и в одну минуту убедитесь, что там на нее ничего нет. А... у вас компьютер-то есть?

Дежурный моргнул, потом энергично кивнул:

– У нас все есть! – и потянулся к телефону.

«Наверное, звонит компьютерщику», – подумала Кира.

И она не ошиблась. Почти.

Крутнув несколько раз диск, дежурный радостно воскликнул:

– Новый Свет? Але, Федор! Это Панько Полторацкий, с Коктебля. А ну отцепись от стула, прогуляйся до выхода и проверь: висит там на доске ориентировка на Москвину Киру Константиновну или нет? Да не вякай, ходи веселей!

Прошло не меньше минуты, прежде чем в трубке что-то заклекотало, и Кира подумала, что компьютер здесь, в глуши, явно без «пентиума».

– Да что ты говоришь?! Висит? – не смог скрыть удовлетворения дежурный. – Расчлененка, 1968 года рождения? Ну, за мной должок, Федор!

Мыкола радостно заухал, но Панько Полторацкий сделал протестующий жест и снова принялся накручивать диск:

– Биостанция? Але, Санько!..

Кира слабо покачала головой: почему-то ей казалось, что она знает, о чем Полторацкий попросит Саньку – и каков будет ответ на эту просьбу.

– Судак? Але, дядько Петро?..

– Старый Крым? Але, Сеид?

– Приморское? Але, Михайло?

Надо отдать должное усердию лейтенанта Полторацкого! С таким крепким указательным пальцем, снова и снова проворачивающим поскрипывающий от усталости телефонный диск, никакой компьютер не был нужен!

Кира и притихший за ее спиной Мыкола глядели на Паньку, словно зачарованные. А он все сидел, и набирал номера, и выяснял, что по всему побережью висят, висят, висят у дверей отделений милиции портреты Москвиной Киры Константиновны, ужасной, закоренелой преступницы!

Наконец Полторацкий перевел дыхание, поднялся и очередной звонок производил уже стоя.

– Феодосия? Районное? Але, товарищ майор!..

Далее разговор начал развиваться по уже привычной схеме. Кира слушала устало и даже отрешенно, как вдруг Полторацкий опять плюхнулся на свой стул, схватил ручку и принялся что было сил строчить на бумаге, изредка зыряка на Киру совершенно сумасшедшими, в белизну глазами и пыхтя в трубку:

– Так... так, товарищ майор... так!

Наконец трубка легла на свое место, а лейтенант Полторацкий покинул свое: держа в руках сплошь исписанный лист, перегнулся через барьер, навис над Кирой и, близко глядя ей в глаза, с каким-то почти суеверным ужасом проговорил:

– Матушка моя родная! Шо ж ты, девонька, с нами, убогими, творишь? Когда ж ты успела автобус гробануть, кралечка моя ясенькая? Зараз на тебя по всем отделениям оперативки шлют!

«Гробанули» автобус нынче же, между одиннадцатью и двенадцатью часами дня. Нагруженный челноками из Феодосии, жаждущими улететь в Италию, он полз к Симферополю, в аэропорт. Кем-то было забронировано два билета, однако эти пассажиры к назначенному времени не явились. Уже перед самым отправлением водитель посадил на пустующие места двух пассажиров: мужчину и женщину. Новые пассажиры вели себя в кругу попутчиков по-свойски, особенно женщина. Мужчина сразу уткнулся в газету, а она весело заговаривала с соседками и даже давала советы, где в той Италии что и почем.

Но когда автобус вышел на относительно безлюдное место трассы, оба мгновенно преобразились. Откуда ни возьмись появились пистолеты. Пока мужчина страховал водителя, его подельница прошла по салону, с шуточками и прибауточками собрав «дань». Общая сумма выручки составила двадцать тысяч... не гривен, не рублей. Долларов!

Затем бойкая парочка велела остановить автобус – и села в стоявшую у обочины серую «Волгу» без номеров. И след их так и простыл бы, однако грабительница оказалась поразительной растяпой! Под сиденьями, которые она занимала с напарником, был обнаружен – ни больше ни меньше! – паспорт. Выдан он был на имя жительницы Нижнего Новгорода Киры Константиновны Москвиной.

Изложив все это сухо, сдержанно, но совершенно четко, Полторацкий сокрушенно покачал головой, глядя на Киру, а потом почти сочувственно спросил:

– Вы там, в России, что, совсем с ума спятили? Думаете, тут вам какая-нибудь Чечня, где все дозволено? Или снова скажешь, шо подружка тебя подставила? Пидманулы Галю, забрали з собою, а она и знать не знала?! Будет брехать-то! Сколько веревочке ни виться, конец все едино придет!

Да, конец... Теперь бесполезно надеяться, что откуда-то из-за угла вдруг выскочит Алка, с дурацким хохотом прокричит: «Ку-ку! Сюрприз!» – и подтвердит, что ограбление – тоже часть ее розыгрыша. И нет надежды, что именно она спрятала где-то Кириин паспорт. Ближе к полудню Алка никак не могла оказаться в том «челночном» автобусе. Она в это время занималась любовью на лоне Карадага с новым знакомым, а где-то у подножия гор их терпеливо, будто верный конь, ждал белый джип. Да и вообще – зачем Алке грабить челноков?!

Кира обреченно покачала головой. Все-таки Алка играла в ее жизни такую огромную роль, была настолько незаменимым и постоянно действующим «опорным пунктом», что даже

сейчас трудно перестать искать в ней первопричину всех событий. Нет уж, забудь про Алку, где бы она ни задержалась! Допусти, что в твою жизнь вмешался кто-то другой. И этот кто-то выкрал твой паспорт. А заодно не пожалел сил и времени, чтобы объездить восточный Крым и оклеить доски объявлений при милициях жуткими листовками. А еще раньше – эти листовки изготовил... Допустила, Кира? Ну и отлично. А теперь еще наберись дурости – и выложи эту версию двум мордастым парням, которые, набычась, сторожат взглядами каждое твое движение...

Стоило только представить, какова будет реакция, и Кире захотелось заплакать. Она, пожалуй, решила бы открыть, выражаясь фигурально, кингстоны, да вдруг стыдно стало. Ну, нет! У российских – собственная гордость!

Кира вскинула голову и холодно проговорила:

– Оставьте ваши неуместные шуточки. Я никак не могла бомбить несчастных челноков, потому что с десяти утра никуда не уходила с пляжа, понятно вам? С десяти утра и до половины пятого вечера!

– Ух ты, моя ясочка! – восхитился Панько. – А кто это подтвердит? В смысле – алиби у тебя есть? Назови, кто тебя там видел, в какое время, только конкретно, конкретно!

Кира передернула плечами. Да разве мыслимо вспомнить тех, кто мелькал на пляже? Она ведь не отдыхала, а работала, и голову-то поднимала от бумаг два-три раза, когда входила в море освежиться. Но и тогда эта самая голова была до такой степени забита новой статьей для «Santific News», что ничему другому там совершенно не было места! Поэтому Кире казалось, будто весь день она плавала в горячем золотистом тумане, изредка меняя его на довольно прохладный – цвета морской волны. Зато статья в принципе готова.

– Не помню я, кто там еще был на пляже, не обращала внимания. Знала бы – у каждого паспортные данные списала бы! Да все это чепуха. Я думаю, что и объявления, и паспорт в автобусе – все это детали одного чудовищного розыгрыша – или хорошо организованной клеветнической кампании. Нет уж, лучше запросите базовый компьютер – и увидите, что на меня там ничего нет!

– Клеветнической кам-па-нии... – по слогам, как зачарованный, повторил Мыкола, а Панько восхищенно присвистнул:

– Эх, красиво брешь! Так шоб ты знала: шо нам по должности сделать положено, мы сделаем. И компютер запросим – не сомневайся. Только вот закавыка: нынче пятница, да? Вечер... Народ весь на выходные ушел. Какой, скажи, будь ласка, может быть в субботу-воскресенье компютер? Да он, поди, на даче уже давно пиво в пузе греет. Или «Изабеллу» – винцо такое есть кисленькое, небось пробовала. Не то у костерка где-нибудь сидит в бухточке, беленькую таранькой заедает. Нет, не будет тебе, моя ластивка, никакого компютера.

– И не морочь голову людям! – подал голос потерявший терпение Мыкола. – Колись, вражина, где баксы, шо награбила? Кто твой поделеньник?

– Послушайте, – удостоив Мыколу лишь мимолетного взгляда, Кира повернулась к Полторацкому, – послушайте, вы производите впечатление нормального человека. Вот я дам вам телефон. Это – номер очень важного человека. Он ваш коллега, милиционер. Но – генерал. Один из высших чинов в Нижегородской области. И он подтвердит, что я совершенно не могу быть замешана в тех преступлениях, которые вы мне тут пытаетесь инкриминировать. Просто не способна. Потому что я доктор наук, я...

– Нижегородская область? – перебил ее Панько, устремив задумчивый взгляд на Мыколу. – Это где же?

– Может быть, на Урале? – озадачился напарник. – Или в Сибири?..

Кира поняла, что из этих географических дебрей он выберется не скоро. И терпение ее вмиг иссякло... да оно, впрочем, никогда не принадлежало к числу ее главных достоинств!

– Все! С меня – хватит! – так решительно рубанула она ребром ладони по барьеру, что лейтенант Полторацкий отвалился на спинку стула и устоял на барьер с тревожным любопытством. Возможно, он предположил, будто задержанная – каратистка?.. – Больше я ни слова не скажу без своего адвоката! Надеюсь, это-то слово вы когда-нибудь слышали? А мой адвокат тоже живет в Нижнем Новгороде! Так что вам все-таки придется туда позвонить, хоть тресните, придется... даже если это окажется в Австралии! Или на Марсе! Или вообще в черной дыре гиперпространства!

Это уже, конечно, был суший бред и натуральная истерика.

– Молчать! – хором взревели Панько с Мыколой. Однако Кира, совершенно потеряв голову, продолжала кричать что-то про адвокатов, географию и тайны Вселенной, так что шум в отделении поднялся невообразимый. И прошло довольно много времени, прежде чем оружие трое заметили, что их в комнате уже четверо.

Какой-то мужчина стоял у самой двери – вернее висел, цепляясь за нее дрожащими руками и едва удерживаясь на ногах.

– Чего надо? – неласково спросил пышущий боевым жаром Мыкола, а Панько, воспользовавшись передышкой, быстро отер пот со лба и нахлобучил фуражку, одновременно с этим украдкой погрозив Кире кулаком и превратив его в кукиш: во, мол, тебе адвокат!

Она грозно сверкнула глазами и попыталась восстановить сорванное дыхание, неприязненно уставившись на незнакомца, который чудом прервал свое падение.

Мужчина тем временем попытался отцепиться от двери, но пошатнулся – и буквально ввалился в комнату. Кира машинально протянула ему руку, и, опираясь на нее, вновь прибывший дотаскился до барьера и повис на нем, пытаясь справиться с голосом: вместо слов из его рта вырывалось какое-то задущенное хрипение.

Пользуясь паузой, милиционеры и Кира – на правах старожила – оглядывали гостя. Ему было чуть за тридцать, роста высокого, смугловат, кудряв, небольшая бородка его походила на черный чехольчик. Но это все в норме. Удивляли его порванная брючина, глядящее из нее разбитое колено, исцарапанные руки – такие мелкие царапины обычно оставляет шиповник.

«Рановато для сбора витамина С, – мелькнуло в голове у Кир. – Все-таки еще июль...»

Между тем Панько Полторацкий, сдвинув на затылок фуражку, профессиональным жестом подтянул к себе листок бумаги, вцепился в ручку и сурово спросил:

– Что случилось, гражданин?

Кучерявому, похоже, только этого вопроса и не хватало, чтобы вспомнить, куда и зачем он пришел.

Устремившись всем телом к лейтенанту и энергично оттопыривая заднюю часть, он завопил:

– Убийство! На Карадаге убийство!..

– На Ка-ра-да-ге?! – врастяжку повторил Мыкола и, приблизившись к кучерявому, ухватил его за кисть: – А по какому праву ты оказался в зоне государственного заповедника?

Мгновение незнакомец смотрел на него непонимающе, потом отмахнулся:

– Да я был в гостях, у Володи Голобородько, у егеря. Я... видите ли, я – журналист из Москвы, Фридунский Анатолий Борисович... вот мое служебное удостоверение, – он перекинул через барьер бордовые «корочки» с золоченым тиснением «Пресса», – живу в пансионате «Чайка» («Не из пугливых!» – с завистью отметила Кира, вспомнив, что именно при входе в «Чайку» висела злополучная страшилка про пепел). Случайно познакомился с Володией и решил написать про него статью. Целый день провел у него...

Полторацкий, ощутив удостоверение журналиста так дотошно, словно оно было написано азбукой Брайля,² кивнул Мыколе – тот разжал свою клешню.

– Извините, гражданин, – сказал почти любезно. – Садитесь, будь ласка!

Фридунский опустил на пододвинутый табурет и принялся массировать вспухшую и посиневшую кисть, с опаской поглядывая на Мыколу, на лице которого сияла законная гордость крутого профи.

– Однако ж вернемся к нашим баранам, – постучал ручкой по столу лейтенант. – Где обнаружен труп?

Фридунский вздрогнул.

– Знаете, такое красивое место напротив Чертова пальца? Оттуда как раз начинается очень крутая дорога вниз, бетонка. Но она очень скользкая, я несколько раз чуть не упал и решил спускаться по тропе. К тому же быстро темнело, я спешил. И вот примерно на полпути я оступился – и завалился в куст шиповника. А там... – Он схватился за голову, закачался, пригнувшись к коленям, и голос его зазвучал глухо: – Там *она* лежала!

– Труп женский, – сообразил Полторацкий, вновь принимаясь за писанину. – Возраст, особые приметы – что-нибудь запомнили?

Фридунский отчаянно закивал:

– Я там бог знает сколько времени проторчал, не в силах сдвинуться с места. Уж нагляделся... она у меня, наверное, всю жизнь перед глазами стоять будет – в смысле лежать. Значит, так... На вид этой женщине около тридцати. Волосы темные, очень коротко остриженные. Лицо круглое, нос крупный, рот маленький...

– Глаза? – подсказал Полторацкий, его ручка летала по бумаге. – Глаза какого цвета?

– Так ведь они же закрытые были, – с дрожью в голосе пояснил Фридунский и крепко обхватил себя руками за плечи: его начало колотить.

– Ах, да! – спохватился лейтенант и что-то резко зачеркнул. – Одежда какая была, обувь? Разглядели?

– Да, конечно! – оживился Фридунский. – На ней была такая длинная полосатая юбка, потом... потом еще джинсовый жилет.

– А под жилеткой? – снова задал наводящий вопрос Полторацкий.

– Да что вы! – оскорбился Фридунский. – Я ведь ее не раздевал.

Полторацкий мученически завел глаза.

– Кто об том говорит?! Ну, под жилеткою блузка была? Рубаха?

– Вроде нет, – пожал плечами Фридунский. – Понимаете, жилет был застегнут, как блузка, на все пуговицы... Ой!

«Ой» относилось к странному поведению Киры, которая вдруг начала заваливаться на бок, закрыв при этом глаза и слабо шаря в воздухе руками, как бы ища, за что ухватиться.

Этим опорным пунктом оказался Мыкола, который успел подхватить ее буквально в полуметре от пола и так тряхнул, что запрокинувшаяся голова замоталась из стороны в сторону.

– Будя психовать! – велел он грозно.

– Как вы можете! – возмутился Фридунский, выволакивая из-под себя табурет и подтаскивая его к Кире. – Это вам не Чечня какая-нибудь! Садитесь, девушка. А вы лучше водички ей дайте.

– Перетопчется, – буркнул Мыкола, однако все-таки сдвинул обмякшее Кирино тело на табурет. – И никакая это не дивчина, а задержанная!

Голоса, движения, даже грубые прикосновения Мыколы доходили до Киры словно сквозь туман. Все тело, да что – все мысли сделались вялыми, заторможенными. Она открыла глаза

² Азбукой Брайля пишутся книги для слепых.

и сонно удивилась тому, с какой странной, назойливой пристальностью уставился на нее Полторацкий, бросивший вдруг строчить пером по бумаге.

– Вы шо, знаете ту женщину? – спросил он вкрадчиво. – Знакомы вам ее фамилия, имя, отчество?

Кира слабо качнула головой: нет, не отрицая, а как бы отгоняя от себя догадку. Слишком страшной, непереносимо страшной была эта догадка... и такой привязчивой, куда хуже Панькова взгляда! Кира гнала ее, но догадка настойчиво кивала коротко стриженной черноволосой головой, размахивала подолом длинной, почти до щиколоток, полосатой юбки, поигрывала худым, загорелым телом под джинсовым жилетиком, который она частенько носила без всяких блузок, уверяя, что это выглядит очень сексуально и не буржуазно. Вот и сегодня так ее надела, отправляясь на романтическое свидание...

– А скажите, гражданин Фридунский, – между тем вопрошал лейтенант, не сводя, впрочем, въедливого взора с Киры, – вы встречали убитую прежде? Знаете ее?

– Никогда не видел, никогда! – истово замотал головой Фридунский. – Однако как зовут – знаю, рядом с ней валялась сумка – раскрытая, все вывалилось наружу. И... вот, я подобрал паспорт.

Он пошарил в кармане джинсов – и достал смятый, тускло поблескивающий полиэтиленовой оберткой документ. Полторацкий взял его, открыл, долго листал и вчитывался, от усердия шевеля губами, – а когда снова поднял глаза на Киру, в них сверкало мрачное торжество. И размеренно провозгласил:

– Убитую звали Вихновская Алла Борисовна. Год рождения – 1968-й, место рождения – город Горький. Отметок о браке нет. Адрес прописки...

– Погодь, Панько! – вдруг подал голос Мыкола, от изумления забывший всякую субординацию. – Эта Вихновская... она тоже жиличка Катигробихи! Как эта! – указующий перст в сторону Киры. – Но как же так? Она только нынче утречком живая была! Как же она могла успеть помереть?!

Лейтенант отложил паспорт и, медленно выйдя из-за чиновного барьера, приблизился к Кире.

– А не думаешь ли ты, Мыкола, шо ей подсобили с этим делом? – тихо спросил он, прищуренным оком озирая Киру с ног до головы. – Бывают такие ловкие дамочки... всякая работа в руках горит! С утра она на большой дороге разбоем промышляет, грабит автобус Феодосия – Симферополь. А под вечер встречается со своей подругой на Карадаге – и воровски, предательски помогает ей расстаться с жизнью... А кстати, гражданин! – обернулся он к Фридунскому. – Труп целый был?

– Это как... целый? – бледнея, переспросил тот, делая невольный шаг к двери.

– Как, как! – сердито передразнил Мыкола, простирая свою длинную, оглобелную ручищу и лоя Фридунского за плечо. – Тебя человеческим языком спрашивают: труп целый был? Не расчлененный?

– Расчле...

Задыхающийся, смертельно испуганный шепот Фридунского было последнее, что услышала Кира, а его мелово-бледное, вытянувшееся лицо с черной кляксой бороды – последнее, что она увидела.

* * *

Вокруг залива Коктебля
Лежит советская земля:
Колхозы, бля, совхозы, бля, природа.

Но портят эту красоту
Сюда летающие «Ту» —
Туристы, бля, моральные уроды!..

Назойливый голос лез в уши, пилил голову, словно пилой. Это тьма, застелившая Кирины глаза, уныло, скучно повизгивала:

Стоит девчоночка, ей-ей,
А под юбчоночкой на ней
Все голо, бля, все голо, бля, все голо...

– Заткнись, брильянтовая! – истошным голосом закричал кто-то. – Не рви душу!

Кира испугалась, что это кричит она, – и распахнула глаза.

Две смутно различимые фигуры, замершие перед нею, медленно поплыли слева направо... Кира сцепила зубы, невероятным усилием попытавшись остановить головокружение.

– Стоять, Буян, – пробормотала с трудом.

Фигуры послушались – вернулись на место.

– Гляди – очухалась! – сказала тощенькая малокровная девица, похожая на пэтэушницу, и по ее бледному востренькому личику скользнула порочная улыбочка: – Что, замаяли хахали до того, что и на ногах не стоишь? А не умеешь – не берись! Каждое лето понаедут с России москалихи наш хлеб отбивать, а сами хрен от редьки отличить не могут!

Она захохотала и села в углу прямо на пол, широко расставив ноги.

«А под юбчоночкой на ней...» – проплыло в голове, и Кира отвернулась.

– Ай, молодая, зачем голой задой на грязном полу садишься? – послышался надтреснутый голос. – На, возьми мой платок, подстели. И не лезь к женщине, дай ей, бедной, в себя прийти!

Что-то зашуршало, зашумело, забрякало, мелодично зазвякало рядом с Кирой, и в лицо ей близко-близко заглянули огромные, черные и жаркие глаза – такие жгучие, что Кира невольно отстранилась.

– А ты меня не бойся, доча, – снова раздался вкрадчивый голос. – Я не цыганка, я сербиянка – я тебя не обману, всю правду скажу!

– Сон, что ли? – выдохнула Кира, слабо поводя перед лицом рукой, как бы отгоняя призраков, однако назойливое видение не исчезло, а снова засмеялось:

– Ты еще перекрестись! Нет, доча, до завтрашнего утра я никуда не денусь.

– А сейчас – что? И где я?

Кира оперлась ладонями во что-то жесткое, деревянное – села. Какая-то лавка, низкая и широкая, стоит в углу тесной комнаты, которую довольно ярко освещает большая лампочка, висящая на голом шнуре. Стены грубо оштукатурены, пол бетонный. Одной стены нет вообще – вместо нее решетка. Возле этой решетки, подоткнув под себя цветастую шаль, сидит «девчоночка в юбчоночке» – скаля зубы, оглядывает Киру.

– Сейчас, подруга, ночь! – пояснила она своим сиплым, прокуренным голосом, в котором прорывались неприятно-визгливые ноты. – А ты – в «обезьяннике» поселка Коктебля... – последовал долгий и однообразный ряд неизбежных рифм.

– Замолчи ты! – Цыганка махнула на нее узкой смуглой ладонью. – Смотри, совсем беднягу напугала!

– Напугаешь таких! – огрызнулась девчонка. – Разве не слышала, что Мыкола рассказывал? Мокруха на ней, и не одна! Пришила подружку свою по пьяной лавочке, автобус ограбила, а всего хуже, – девчонка выпучила глаза, – с мертвяками трахалась!

– А тебе что, завидно, доча? – с холодновато-презрительным добродушием осадила ее цыганка. – Ты вот только с мертвяками еще не трахалась, а так уж всех перебрала. Небось и Мыкола там побывал?

– А что, он не мужик разве? – обиделась девчонка. – Все при нем, да еще во какое! – Она показала руками, расставив их в обе стороны так широко, как могла.

Кира зажала уши, зажмурилась. Она в тюрьме. В тюрьме! В коктебельском «обезьяннике»! Правда что – сидят за этой решеткой, будто зверье в клетке. И она, Кира, – среди прочих «обезьян». В компании с дешевой местной проституткой и цыганкой. Первая небось повздорила с клиентом, вторая обчистила какую-нибудь доверчивую отдыхающую, вот их и задержали. А для компании к ним засунули подозреваемую в ограблении, убийстве... и т. д. и т. п. – Кира уже начала путаться в перечне собственных злодеяний.

И сидеть ей тут, пока, после выходных, не вспомнит о своих рабочих делах милицееское начальство! Может быть, тогда все же отправят запрос в сопредельное государство. И выяснят, что Кира Москвина – доктор медицины, в связях, порочащих ее, замечена не была, тем более – в тех кошмарных преступлениях, которые ей шьются.

Свидетельство Глыбина-старшего, милицкого генерала, дорогого стоит! А если и этого будет мало, примчится выручать Киру восходящее светило адвокатуры Глыбин-младший. Да, похоже, не миновать Игорьку приезда: ведь, кроме явного бреда, навороченного в той листовке, его клиентке и подруге шьют еще ограбление и убийство.

Убийство Алки!

Кира изо всех сил прижала к глазам кулаки.

Алка... Единственная и самая лучшая подружка – с того самого дня, как четырнадцать лет назад Кира, «от робости запинаясь», вошла в первую аудиторию медфака университета, где была назначена первая лекция для первокурсников, и, ничего не видя от волнения, села за первый попавшийся стол. Сосчитав до десяти, набралась храбрости и взглянула на соседку. Ею оказалась худенькая брюнетка с невообразимо пышной «химией». Девушка увлеченно читала надписи, которыми был испещрен стол, и не сразу заметила Киру. Наконец она обратила на нее свое подвижное большеглазое лицо и изумленно хлопнула нарядными ресницами.

– Нет, ты видела это? – спросила так, словно была знакома с Кирой всю жизнь. – Ей-богу, лучше не скажешь!

Отманикюренный ноготочек ткнулся в круто вырезанные буквы, столь щедро заштрихованные черным «шариком», словно писавший эти слова стремился непременно сделать их достоянием вечности:

«Деньги – это грязь. Жаль, что грязь – не деньги!»

– Потрясающе! – восхищенно протянула брюнетка.

– Потрясающе, – согласилась Кира, которая и впрямь нашла эту мысль свежей и оригинальной. – Ничего, что я села тут, рядом с тобой? Ты... я хочу сказать, я...

– Сиди! – великодушно разрешила девушка. – Я тут пока еще одна как перст, ни с кем не познакомилась. Начать с тебя, что ли?

Дружба завязалась мгновенно и длилась по сей день. «Вот именно – по сей день...» – горько подумала Кира. Не далее! И стало страшно: как она теперь будет обходиться без Алки? Сможет ли держать «в железном кулаке» стайку лодырей-лаборантов? А ругаться с институтским начальством из-за денег, которые министерство целевым назначением выделяет на развитие Кириной лаборатории, но если до нее доходят процентов десять, то это хорошо? Кто теперь будет «подчищать хвосты» Кириных исследований, оформлять их на бумаге, следить за серийностью и непрерывностью опытов? «Ты без меня пропадешь, – не раз снисходительно говорила Алка. – Ты же у нас звезда! Блеснула и полетела по небесам дальше! А я подбираю твои лучики. В пробирочку складываю. Этикеточки приклеиваю! Если не буду этого делать,

ты завтра и не вспомнишь, какая идея тебя осеняла, гениальная твоя головушка. Ты у нас – алмаз неограниченный, а я твой ювелир!»

Это правда, все правда!.. Как работать без Алки? Как жить без нее, без ее советов: что носить, с кем встречаться, какую диету соблюдать, каким спортом заниматься?.. Эта беспрекословная зависимость от Алки здорово злила Кирину мать: «Ты любишь говорить, будто Алка – твое отражение. А не замечаешь, как сама ее отражением становишься!»

Может быть, мама права. Может быть, Кира слишком подчеркивала свою зависимость от подруги: ведь даже на симпозиумы их приглашали в последние годы только вдвоем. И, например, Мэйсон Моррисон, обещая Кире лабораторию с фантастическими возможностями, должность первого помощника сразу предложил Алке...

Но все это в прошлом, в прошлом! Какой кошмар... Что бы Кира ни думала сейчас об их отношениях с Алкой, как бы ни винила себя за мягкость и бесхребетность (любимое мамино словечко!), сколько бы ни давала себе слов быть более самостоятельной и независимой – что в работе, что в жизни, – ничего теперь не имело значения по сравнению с одним простым и страшным фактом: где-то на склоне Карадага, под кустом шиповника, лежит и коченеет мертвое тело, которое тридцать лет звалось Алкой Вихновской.

Кира скорчилась в комок и обхватила себя руками. Ей казалось, будто немилосердные ветры дуют на нее со всех сторон. Ледяные ветры одиночества...

– Эй, подруга!

Кира вздрогнула, почувствовав чье-то прикосновение к своей руке. Открыла глаза – «юбочночка» близко склонилась к ней, а из глаз так и выплескивалась тревога:

– Ты шо? Кончай реветь! Здесь еще ничего! А вот в Судак посидела бы или в старой КПЗ... Беда – к ужину опоздала, так завтрак в шесть, авось не помрешь с голодухи. И... вот еще что: можешь слопать мою порцию. Поняла? – «Юбочночка», уперев руки в боки, обернулась к цыганке: – Я свой завтрак ей отдаю, а не тебе, мымра!

– Сама ты мымра, яхонтовая! – не замедлила с ответом цыганка. – С того и счастье тебя стороной обходит. Первого короля потеряла – и второго потеряешь!

– А ты не каркай! – погрозила кулаком «юбочночка». – Подумаешь, король! Никакой он не король, а просто Васька. Скатертью дорога. А вот Кабан от меня никуда не денется. Я еще нынче ночью к нему наведаюсь, а утречком, к семи, – вернусь.

– Это как, доча? – озадачилась цыганка.

– Как, как! Ключик золотой у меня есть! – «Юбочночка» задорно покачала бедрами.

– Не ключик, а скважина, – усмехнулась цыганка. – Что, Мыколе дашь, доча?

– И дам! Меня не убудет. Зато на всю ночь обещался меня к Кабану отпустить.

– А ну как твой король узнает, что ты, брильянтовая, с другим гуляешь? – как бы по доброму озаботилась цыганка, однако что-то такое блеснуло в сокровенной глубине ее черных глаз, отчего «юбочночка» опасливо прищурилась:

– Откуда ему узнать? Не от тебя ли? Ну, гляди, молдаванка-сербиянка... ежели что, я ведь тоже молчать не стану, весь твой земноводный бизнес на чистую воду выведу!

Цыганка махнула на нее худой рукой, звеня браслетами:

– Зачем так, изумрудная? Я тебе разве мешаю? Беги, доча, хоть к Кабану, хоть к Мыколе, хоть к черту с рогами!

– А, испугалась! – захохотала «юбочночка». – Знаешь, чем эти ромалэ нынче промышляют? – возбужденно повернулась она к Кире. – Перевозят по Крыму всякую дрянь экзотическую. Крокодилов, змей... Этих в термосах возят. Крокодилчику маленькому пасть проволокой перевяжут – и на себя, на пузо, а то и на грудь. Попугаев водкой упивают – и в свои корзинки со шмотьем. «Новые хохлы» на такую дрянь падкие, у моего вон Кабана аж семь попугаев. И все орут: дурак! дурак! А он все не верит. – «Юбочночка» захохотала.

– Ох, и язычница же ты, яхонтовая! Язык у тебя без костей, – вздохнула цыганка. – Не будет тебе счастья в жизни с таким языком. А ты, доча, ее не слушай, – повернулась она к Кире. – Давай я тебе лучше погадаю – всю правду скажу.

– Не слушай, ни слова не слушай! – взвизгнула «юбочночка». – Это все обман, научно доказано. Им главное – чтоб ручку золотили.

– А тебе, доча, не это главное? Ты, что ль, даром с Кабаном? – взбеленилась цыганка.

Кира отвернулась, чувствуя тошноту. Глупости все это. Вот если бы некто всезнающий смог открыть, кто убил Алку, кто невероятным образом вмешался в Кирину жизнь – и одним рывком перевернул ее, как Архимед, получивший точку опоры... за это Кира не пожалела бы хоть обе ручки позолотить! Даже «Ролекса» своего не пожалела бы!

Машинально взглянув на свое запястье, Кира, к своему ужасу, обнаружила, что вопрос так не стоит. Никогда ей не выяснить, жалко стало бы отдать местному Нострадамусу золотые часики с хрустальным стеклышком или нет – они исчезли.

О господи! Ее «Ролекс»! Уникальный, сделанный по специальному заказу щедрого Мэйсона Моррисона, который едва не спятил, когда понял, что добыча ускользает из рук, и готов был на все, чтобы произвести на Киру с Алкой неизгладимое впечатление! Синее кольцо на циферблате, а в нем золотисто мерцают инициалы. Да, это они. Кирины часы. У Алки точно такие же, только буквочки – серебряные. Мэйсон мгновенно просек, кто есть кто в их тандеме, поэтому Алка, помнится, осталась не очень довольна подарком (пока не расчихала, сколько он стоит!)... И вот это сокровище... тью-тью!

Кира пошарила вокруг себя рукой – пляжной корзинки на нарах не было. И юбка как-то подозрительно болталась... Ах вот что! С нее сняли ремешок!

Вообразив, какую дуру она там, перед Полторацким и Мыколою, сваляла, хлопнувшись в обморок, Кира едва не зарыдала от унижения. С нее, значит, с бесчувственной сняли часы, пояс, отобрали вещи. Понятно, по протоколу положено! Небось и опись составили! Представив, как лапы Мыколы ползают по ее талии, Кира содрогнулась. Они вообще могли сделать с ней что угодно, эти... Отчаявшись найти подходящее определение, как в русском, так и английском языках, Кира в бессильной злобе замотала головой. Это надо же только додуматься: брякнуть, будто она убила Алку! И ей даже никакого вопроса не задали: с кем, мол, ваша подруга сегодня проводила день, где именно? Это же элементарно! С другой стороны, если Кира свалилась без чувств, элементарное переходило в разряд невозможного. А что она вообще могла сказать, даже будучи в сознании? Что Алка отправилась на заповедный Карадаг с новым любовником? И что Кире известна всего одна его примета: белый джип? Ну что ж, это немало. Однако только в нищем Коктебеле, в точности как в богатых Арабских Эмиратах, джипов таскается туда-сюда по дорогам – неслучайно. Для «новых хохлов» это нынешним летом последний прикол.

Так что примета ненадежная. Но еще, еще одно о предполагаемом злодее известно: Алка обещала, что при виде его Кира упадет. Но существует только один, совершенно определенный тип мужчины, от которого у Киры начинали подкашиваться ноги. Точнее сказать, представитель противоположного пола должен соответствовать как минимум шести условиям. Пол, однозначно, мужской, без малейших признаков разноцветья. Столь же непререкаемы были требования насчет роста, комплекции, цвета глаз и волос. Впрочем, жизнь уже успела научить Киру, что эталоны существуют только в науке, а в быту частенько приходится поступаться тем или иным.

Одно условие чаще других подвергалось сомнению и пересмотру, и постепенно Кира вовсе перестала его выдвигать. Ее сексуальный опыт (не больно-то большой, но и не слишком убогий) гласил, что *такого* мужчины просто нет на свете, а те бабы, которые направо и налево трещат, будто что-то чувствуют в постели, кроме ответственности за блаженство партнера, врут как сивые кобылы.

Впрочем, недавно Кира вычитала в какой-то газете, будто женский оргазм природой вообще не предусмотрен, а является одним из духовных богатств мужской части человечества, – и несколько утешилась. Мало ли существует духовных богатств, недоступных Кире! Скажем, «Мона Лиза» не произвела на нее никакого впечатления, так что ж – теперь застрелиться прикажете?

Наскоро перетасовав в уме все свои невыполнимые запросы, Кира, как в тумане, увидела перед собой предполагаемого злодея: высокий худощавый блондин опасно шурил серые, голубые или зеленые глаза, а его длинные пальцы угрожающе высывались в окошко белого джипа...

Неужели Алку убил этот незнакомец? Но за что? Почему? Поссорились они, что ли? Но это как же надо поссориться со случайной знакомой, чтобы не просто убить – бросить ее тело под кустом... Отвратительно, бесчеловечно!

Нет. Вряд ли ссора, тут что-то другое. Этот случайный свидетель, Фридунский, подробнейшим образом описывая свою случайную находку, ни словечком не обмолвился об одной из главных Алкиных примет: о «Ролексе». Что, если Кирину подругу убили ради ограбления? Ради этих часов?

Ради часов... Это еще более мерзко, отвратительно. Невыносимо! Да, цена «Ролекса» – несколько тысяч долларов. Ну и что?! А какова цена Алкиной неунывающей изобретательности, ее быстрого ума, житейского проворства? Ее практичности, радостной готовности подерживать Киру во всех бредовых замыслах? Это все бесценно. Бесценно... и невозвратно.

Кира тоскливо покачала головой. Наверное, будь возможность выбирать, она предпочла бы, чтобы Алка погибла из-за чьей-то ревности, мести, в пылу любовной ссоры, случайно, в конце концов. Только не из-за денег. Только не ради такой мелочи, как американские тикалки, которые, в сущности, были простой взяткой.

А может быть, Кирина подруга и в самом деле погибла случайно? Например, сорвалась с тропы. На Карадаге ого-го какие обрывы! Фридунский ведь не описывал, как именно была убита Алка. Может быть, не решился углубляться в такой жуткий предмет? Или говорил об этом, когда Кира уже была в отключке?.. Но если Алка и правда стала жертвой трагической случайности, куда же смотрел этот поганый кавалер, какой бы масти он ни был? Джип, что ли, чинил?! А кто в этом случае пошалил рядом с крымскими милициями? Кира-то как вписывается в карадагскую трагедию – вернее не сама она, а все те черные тучи, которые вдруг за клубились над ее головой?..

Кира так и подскочила: показалось, над самым ухом возмущенно взревел мотором автомобиль. Нет, это дверь открывается... точнее говоря, скрежещет, отодвигаясь, решетка «обезьянника».

«Дывись – Мыкола!» – невольно вспомнила она слоган сегодняшнего дня. И не один явился – с новой жертвой.

«А она-то кого прикончила?» – с холодным любопытством подумала Кира, озирая ладненькую брюнетку в бесподобно сидящих джинсах, и чувство некоторого дискомфорта, какое всегда испытывает женщина высокая в обществе женщины *невысокой*, с привычной тоской угнездились в ее душе.

Вновь прибывшая оглядела компанию смеющимися глазами и сказала:

– Привет!

– Во, гляньте, какая классная соседка, – отрекомендовал новенькую Мыкола, оглядывая содержимое «обезьянника». – До утрачка к вам на посиделки. Вы уж, будьте ласковы, все ей живенько обскажите про наши порядки, только... – погрозил он кулачищем. – Только будьте хорошими девочками, лады?

«Юбочоночка» и цыганка дружно кивнули. Мыкола исподлобья глянул на замершую в углу нар Киру, но ничего не сказал и вновь потянул решетку «обезьянника».

– Эй, Мыкола! – кинулась к нему «юбчоночка». – Мы же с тобой сговорились! Ты куда?
– Погодь, кралечка! – донесся из коридора сытый смешок. – Погодь. Сейчас всего десять часов – еще успеем накохаться.

«Десять часов!» – ужаснулась Кира. То есть миновало пять часов ее непрерывного кошмара. Уже, считай, ночь. И сколько это еще продлится – неведомо. Теоретически – как минимум до понедельника. Пока не закрутится проржавевший милицейский маховичок. Нет, еще сутки понадобятся Игорю, чтобы добраться сюда, – то есть, считай, на трое суток надо набраться терпения. Стиснуть зубы, сжать кулаки. Ничего страшного: люди по три года сидят и по тридцать три, уж трое-то суток можно потерпеть!

Кошмар. Трое суток... Вечность!

Она обхватила плечи ладонями: вдруг прохватило ознобом.

– Да, здесь у вас не жарко, – констатировала новенькая, заметив ее движение. – А на улице такая ночь – диво! Луна светит как сумасшедшая, все в серебре.

– Кра-си-во говоришь! – восхитилась «юбчоночка». – В Доме творчества писателей промышляешь?

– Нет, я там отдыхаю, – ответила новенькая. – По путевке.

– Какие люди! – еще пуще восхитилась «юбчоночка». – И без охраны!

– Отчего же? – усмехнулась брюнетка. – Очень даже под охраной!

– Это точно! – жизнерадостно согласилась «юбчоночка». – А почему? За что, вернее?

– А... на спор! – Незнакомка тряхнула головой: задорно взлетели цвета воронова крыла гладкие пряди. – Я тут на экскурсии.

«Юбчоночка» переглянулась с цыганкой, потом обе взглянули на Киру, но и в ее глазах не нашли понимания.

– Подсадная, что ль? – с вкрадчивой угрозой осведомилась «юбчоночка», упирая руки в боки и делая шагжок вперед. – А подсадным, знаешь, что делают?

– Девочки, не надо ля-ля! – выставила вперед ладони черноволосая, и ни тени испуга не промелькнуло на точеных чертах ее лица. – Все абсолютно объяснимо. Меня, между прочим, Саша зовут, я писательница: детективы пишу. И мне для новой книжки нужен взгляд изнутри на вот такой курортный экзотический «обезьянник» – реальные, конкретные детали. Вас тут, конечно, маловато, но Мыкола обещал, что завтра еще пару-тройку интересных девочек мне сюда подбросит.

– Обещал? – невинно спросила «юбчоночка». – А чего это он такой добренький, гад, сделался? Не через тебя ли, давалка, он меня отставил, а? Не ты ли ему дала и охоту отшибла?

– Я ему, конечно, дала, – усмехнулась Саша-детективщица. – Но не то, что ты думаешь. Моя экскурсия обошлась мне в сто баксов – за сутки. Если захочу «отсидеть» еще, – она хихикнула, – придется выложить вторую сотенку.

– Ой, доча, ну что ты так деньгами соришь! – всполошилась цыганка. – Позолоти-ка лучше мне ручку – я тебе на судьбу погадаю, всю правду скажу!

– Потом, ладно? – лучезарно улыбнулась Саша. – Я сначала вон с девушкой пообщаюсь, а то вернется Мыкола – и у меня клевый сюжет из-под носу уведет. Пошли поговорим?

Улыбнувшись «юбчоночке», она шагнула к пустым нарам. Та последовала за ней как зачарованная. Пока Саша доставала из многокарманной жилетки блокнот и карандаш, «юбчоночка» торопливо охорашивалась, как будто ей предстояли съемки на телевидении.

– А у тебя как фамилия? – спросила она с придыханием. – Маринина, да?

– Ну почему сразу Маринина?! – вспылила Саша. – Как детективщица, так, значит, только Маринина? Если тебе так интересно, фамилия моя Исаева. Но кто здесь у кого берет интервью?

– Правда что, – кивнула «юбчоночка». – А ну, глянь на бамбер – надо время засесть, сколько еще Мыкола меня будет тут держать!

«Не бамбер, а бампер!» – машинально подумала Кира, но Саша спокойно взглянула на часы:

– Время пошло.

«Юбчоночка» сложила руки на острых голых коленях и затараторила:

– Значит, так. Академия тут клевая, в смысле – «обезьянник», а вот раньше в старую каталажку пихали – спасу нет, какая параша! Правда что – параша прямо там была, дырка в полу – и все. Вонища!.. Потолки низкие, балдой все время бьешься. Бурдолагой какой-то харчили. Один бобер врезал дуба от той гробиловки... а может, менты замочили его технически, кто знает! Однако и там девкам штатным можно было жить не тужить, если с тутошними амбалами кантоваться...

– Как ты с Мыколой? – уточнила Саша, строчившая в блокноте с таким видом, словно отлично понимала несусветную феню, на которой вдруг начала ботать «юбчоночка».

– Тьфу, язычница! – сердито плюнула цыганка. – Разболталась – уши вянут! – И повернулась к Кире: – Давай, доча, я хоть тебе погадаю, что ли? Знаю – у тебя ни гроша, а все ж... Это будет самое верное гадание, потому как – без монеты!

Не успела Кира сказать ни да, ни нет, как цыганка ловко запрыгнула к ней на нары и, вцепившись в левую руку, принялась водить по ней пальцем, будто в «сороку-ворону» с дитем играла. В то же время она доверительно прикасалась к правой руке клиентки.

«Так, – отстраненно констатировала Кира, – все понятно. Правая рука напрямую связана с левым полушарием мозга, которое «отвечает» за логику и интеллект. Левая, – наоборот, с правым полушарием, которое пробуждает эмоции. Поглаживая правую руку, цыганка усыпляет и отключает интеллект. А когда водит пальцем по ладони, передает свои эмоции...»

– Ты красивая, но счастьем недовольная, правда? – азартно начала цыганка, вцепляясь в Киру глазами.

Та слабо усмехнулась, кивая. Трудно быть довольной счастьем, сидя в «обезьяннике» и с теми перспективами, которые ждут Киру.

Восприняв кивок как поощрение, цыганка блеснула глазами:

– У тебя в любви немного не везет, так ведь, да?

Кира опять усмехнулась и кивнула: все правильно, только почему же – немного? Не мелочись, сербиянка!

– Но беда другая! – свела густые брови цыганка. – Тебя сглазили, изумрудная, порчу навели. Порчу на тебя навели через волос твой, ночью его заговорили. В след твой три раза свечой накапали. А волос твой зарыли на девятой могиле.

– Простите, на какой могиле? – раздался испуганный шепот, и Кира увидела совсем рядом Сашу с блокнотом в руках. Поодаль топталась надутая «юбчоночка», ревниво блестя глазами.

– На девятой! – приосанилась польщенная вниманием цыганка. – Отсчитали на кладбище девять могил – первая, вторая, третья... На девятой закопали, водой окропили, заклятье прочитали.

Тебя, доча, тоже сглазили, – плавно переключилась цыганка на Сашу. – Но ты не бойся, через меня порчу снимешь. Денежку доставай, на руку клади! Другую доставай, на три клочка порви. Так... теперь разбросай кругом. Говори, ну, говори: «Брошу зло – возьму добро!»

«Юбчоночка» сочувственно взглянула на отвергнутую Киру, как на товарку по несчастью, но тут же мордочка ее озарилась радостью: возле решетки снова нарисовался могучий Мыколин силуэт. Однако он небрежным взмахом осадил метнувшуюся к нему «юбчоночку» и ткнул указательным перстом в Киру:

– Пошли до нужника, а то потом середь ночи покою не дашь. Знаю я вас! Только без глупостей, не то... – Мыкола выразительно повернулся боком, и Кира увидела открытую кобуру. – Ежели кому еще потребно – во второй черед сведу.

– Мыкола! А как же я? – плаксиво воззвала «юбчоночка», однако Мыкола уже запер решетку и подтолкнул Киру вперед: не задерживай, мол, движение. До нее донеслось злорадное позвякивание цыганкиных монист.

– Что, раскатала губу, шалашовка? А ничего тебе не обломится! – Потом крик «юбчоночки»:

– Заткнись, мымра!

И благоразумный голос Саши:

– Ну, ну, девочки, утихните, об чем шухарить?!

«Да, – подумала с уважением Кира. – Правда что детективщица. Профессионалка!»

* * *

Удобства, разумеется, размещались на природе, и после ходьбы по узкому коридору Мыкола вывел Киру во внутренний двор, с трех сторон огороженный милицейскими постройками, а с четвертой – высоким бетонным забором.

Черные кипарисы мрачно покачивались на фоне серебристого неба, нарядные тени кленов дрожали на серебряных плитах, которыми был замощен двор. Пирамидальные тополя тоже чудились изваянными из серебра. В небе буйствовала луна, однако никакие красоты природы не существовали для Панька Полторацкого! Кира разглядела его застывший силуэт в освещенном окне дежурки, различила разноцветное мерцание телевизора, расслышала рев трибун и задышающийся голос комментатора: «Роналдо обходит полузащитника французов, бьет... Мазила! Упустить такую возможность! Французы овладели мячом, игра опять переходит на другую половину поля».

Понятно. Чемпионат мира в разгаре. А Мыкола, значит, не болельщик, развлекается человеколюбием?

У Киры вдруг зачастило сердце: ужасно раздражал ее этот милицейский взгляд, так и прилипший пониже поясицы!

Приземистое белесое строение специфически заблагоухало впереди.

– Налево, – хрипло сказал Мыкола, и Кира удивленно покосилась через плечо:

– Так вон же...

– Сказал – налево, так и шагай налево! – повысил голос Мыкола. – Туточки, близенько...

Пожав плечами, Кира повиновалась, и через мгновение из тьмы выступили очертания какого-то сарайчика, оплетенного виноградной лозой. Подталкиваемая Мыколой, она поднялась на три ступеньки и оказалась в неказистой беседке. Лунные блики, прорываясь сквозь узорчатые листья, запятнали светом несколько табуреток и длинный стол, стоящий посередине и усеянный костяшками домино.

«Домино! Домино! Будь веселой, не надо печали...» – томно пропел кто-то в Кириной голове.

– Ну что, забьем козла? – ухмыльнулся Мыкола, беря Киру за талию и поворачивая к себе.

Если б луна сейчас грохнулась с небес на землю и запрыгала по двору, звеня, как цыганский бубен, девушка не была бы изумлена сильнее.

– Вы... что? – спросила она шепотом. – С ума сошли?

Мыкола обиделся и убрал свои шаловливые ручонки.

– Не хошь – дык не хошь, – сказал сдавленно. – А вот шо ты, птиченька, запоешь, когда я тебя в старую КПЗ посажу... А? Слыхала уже про нее небось?

«Вот же шалашовка! – недобрым словом помянула Кира «юбчоночку». – За-ра-за!.. Неужто она для Мыколы работает... как это? Наводчицей? Нет, стращальщицей! Шантажисты проклятые!»

Углубившись в возмущенные размышления, она несколько забылась, и Мыкола воспринял затянувшееся молчание как знак согласия.

– Ну и добренько! – прогудел он, снова пуская в ход руки и подтягивая к себе Киру. – Ну, зараз сниму с тебя допрос. А пока снимай трусы.

«Дура! – отчетливо сказал в Кириной голове Алкин голос. – Что, убудет от тебя? Попроси его, пусть не ждет понедельника, пусть сразу, прямо сегодня, позвонит в Нижний Игорешке, а потом... ну, потерпишь немного, подумаешь, большое дело!»

Итак, даже и после смерти подруга не унялась, продолжала руководить Кириной жизнью!

– Давай, давай! – нетерпеливо бормотал между тем Мыкола, дрожа всем телом и нетерпеливо хватаясь руками то за Кирину юбку, то за свои штаны, и она наконец поняла, что вот сейчас, здесь, на этом столе... с этой потной тварью!

Все здоровые мысли вылетели из головы с той же стремительностью, с какой правое Кирино колено взлетело вперед и вверх.

– Дывысь!.. – глухо икнул Мыкола и согнулся вдвое. Фуражка соскочила с его головы, как испуганная лягушка – с кочки.

Кира замерла, прижав руки к груди.

Мыкола снизу уставился на нее вытаращенными глазами, вцепившись в причинное место так, словно это было табельное оружие, за утрату которого его могли, по меньшей мере, расстрелять. Рот сержанта медленно приоткрывался, и, представив, какой поток отвратительной брани сейчас извергнется ей в лицо и вообще – *что* сделает с нею Мыкола, Кира невольно зашарила вокруг, ища хоть что-нибудь, хоть какое-то средство защиты.

Нечто тяжелое, деревянное попало ей в руки. Кира с усилием оторвала это нечто от пола, взметнула вверх и только тут сообразила, что в руках у нее табурет.

О господи! Она собралась бить табуреткой... кого? Ми-ли-ци-о-не-ра?!

От ужаса руки разжались – и табуретка обрушилась точнехонько на крутой Мыколин загривок, а потом, уже не расставаясь со стремительно падающим телом, полетела к земле.

Наверное, прошло немалое время, прежде чем Кира перестала тупо пялиться на неподвижную кучу, возникшую на полу.

Схватила Мыколу за плечи, затормошила... но он лежал, не тронувшись, как деревянная колода. Неведомо откуда взялись силы: ей удалось своротить эту гору оплывших мускулов, однако безвольное тело выскользнуло из ее рук и простерлось навзничь.

Что-то тяжело лязгнуло. Кира с надеждой уставилась в Мыколино лицо, надеясь, что он приходит в себя и уже лязгает от злобы зубами, однако и рот, и глаза милиционера по-прежнему были закрыты.

«Неужели я его убила?!»

Прижала палец к шее Мыколы, пытаясь нащупать пульс, как вдруг что-то заблестело рядом...

Кира так и замерла.

Рука Мыколы была откинута, и лунный луч играл на ее запястье, дробясь и сверкая в затейливо ограненном хрустале.

Кира осторожно, двумя пальцами, приподняла эту потную, волосатую лапищу и уставилась на нее, не веря глазам.

Это был «Ролекс». Ее «Ролекс!» Тот самый, подаренный в Америке!

«Ах ты, пакость! – Кирино сочувствие к поверженному ею человеку мгновенно испарилось. – Воришка! Щипач проклятый! Сявка и этот, как его...» Она пощелкала пальцами, но так и не смогла найти подходящего слова из области фени.

Похоже, растреклятый Мыкола уже не сомневался, что Кирино дело – швах, ну и присоил часики без всякого зазрения совести. Вот его бог и наказал! Вот и...

«Ну, сядет-то не бог! – зазвучал в Кириных мыслях трезвый Алкин голос. – Ты-то знаешь, что он, бедолага, тут ни сном ни духом!»

Да... на бога это вряд ли удастся свалить, поняла Кира. Теперь ко всем ее мифическим преступлениям наконец-то прибавилось одно реальное, но и его с успехом хватит, чтобы она очень не скоро вернулась в свой институт. Теперь ей не миновать пройти напрямик в «академию»... что на воровском жаргоне обозначает тюрьму!

«Беги, дурища!» – снова зазвучал голос, но на сей раз не Алкин. Это был ее собственный внутренний голос, с изумлением сообразила Кира, и он подсказывал наилучший выход.

Она сдернула с Мыколиного запястья часы, торопливо обтерла их подолом и защелкнула на своей руке. «Надо будет спиртом протереть!» – мелькнула брезгливая мысль – и Кира выскочила на крылечко беседки.

Один взгляд в сторону дежурки подсказал, что момент у каких-то там ворот по-прежнему настолько острый, что Панько не сможет подвести игроков и лишит их своего горячего сочувствия ни на секунду. Значит, есть шанс удрать через забор. Он, конечно, высокий, однако там что-то темнеет рядом... гряда каких-то ящиков, что ли. Сначала на них, потом на забор – деваться-то больше некуда!

Кира кинулась вперед, однако лишь чудом не грохнулась со ступенек, наступив на какой-то предмет, который тотчас поехал под ее ногой. С ненавистью пнула неведомое что-то – и оно металлически, тяжело загрохотало, прыгая по ступенькам. Кира в ужасе зажала руками уши. Вот и она приняла участие в чемпионате мира по футболу. В номинации «самый оригинальный удар» ей обеспечено призовое место, факт! Никто ведь еще не додумался играть в футбол пистолетами...

Да, это вовсе не Мыколины зубы лязгали! Это из его открытой кобуры вывалился пистолет!

Чертов «макаров» вприпрыжку скакал по бетонной дорожке, перекрывая рев трибун. Трибуны были далеко, в Париже, «макаров» – вот он, близенько, и, по мнению Киры, Полторацкий мог слышать шум с секунды на секунду. Поэтому она в тигрином прыжке настигла пистолет и прекратила его провокационный грохот. Произошло это почти у самого забора – вернее возле той темной гряды, с помощью которой Кире предстояло сей забор одолевать.

Перед ней стоял обгорелый остов, некогда бывший автомобилем. Может быть, кто-то и смог бы определить его марку даже по «скелету», но только не Кира. Она «Мерседес» отличала от «Волги», только если могла прочесть название на... бампере? Буфере? Сзади, словом. Кира бросила взгляд на часы – как это назвала часы «юбочночка» – бамбер, кажется? Да, Кира нынче весьма расширила свой словарный запас, набралась опыта. «Ну что ж, – философски подумала она, – надо же когда-то начинать!»

По сравнению с низвержением Мыколы то, что ей предстояло теперь, было совершенно плевым делом. В одну минуту Кира взобралась на прогоревшую крышу автомобиля, в другую – взгромоздилась на забор, в третью – перевалилась через него, в четвертую – повисла, навалившись животом, и, убедив себя, что здесь не может быть очень высоко, что главное – не зашуметь при прыжке, начала осторожно сползать вниз, в темноту.

В пятую минуту она рухнула в бездну.

* * *

Ну откуда ей было знать, что забор отделения зиждется на узенькой полосочке земли, которая обрывается в пропасть?! Берег на краю поселка – сплошные обрывы над морем. Некоторые из них – отвесны, каменисты, смертельны, некоторые... На свое счастье, Кира угодила как раз в один из этих «некоторых» и долго катилась кубарем по мягкой глинисто-песчаной осыпи, сопровождаемая хрустом прошлогоднего будылья и хрупаньем стеблей свежей полыни,

закрывая локтями лицо и думая только об одном: кончится же это когда-нибудь?! И вот наконец она плюхнулась на кромку берега, и морская волна, что-то шепча и шелестя, подкралась к ней, на миг простерлась рядом – и медленно отхлынула, шипя.

Кира зашипела тоже: волна лизнула ее локоть, а там, похоже, зияла изрядная ссадина. Страшно представить, как она вся сейчас выглядит! Прохлада моря маняще вздыхала, но окунуться в соленую воду – значило устроить себе пытку, которую не скоро забудешь, поэтому Кира решила отложить морские ванны на потом. Когда будет посвободнее – в прямом и переносном смысле.

Оперлась руками в мелкую гальку и принялась вставать. Что-то ужасно мешало ей, и это что-то при ближайшем рассмотрении оказалось Мыколиным «макаровым». Итак, она вырвалась из плена с боевым трофеем, оставив позади поверженного противника...

Она резко повернулась направо и ринулась по узкой тропочке, четко осознавая, что времени у нее на все про все – в лучшем случае до окончания трансляции, пока Панько не выйдет из кайфа и не отправится на поиски бесследно сгинувшего напарника. Сколько это? Час? Или больше? Нет, надо исходить из самого худшего. Из того, что Мыкола очнулся – и времени у нее вообще нет.

Крутого подъема она даже не заметила. В лабиринте переулочков против обыкновения не запуталась и уже через несколько мгновений оказалась перед калиткой дома бабы Нонны. Невозможно ведь пуститься в бега без копейки денег и в лохмотьях! «Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой!» – мысленно пропела Кира и мотнула головой: во-первых, она не курит, во-вторых, кто в наше время ест хлеб?! Нет, на крестьянок надежда плохая. И на коктебельских поселянок – тоже. Кира прекрасно помнила, как мерзопакостно вела себя нынче баба Нонна. А если до нее уже дошла весть об Алкиной смерти, можно не сомневаться, что баба Нонна преступную жиличку своими руками скрутит и отволокет в узилище. В «обезьянник». В каталажку. В «академию», в заточение, одним словом.

Вовремя спохватившись, Кира попятилась от скрипучей калитки и пошла вдоль ракушечникового забора, ведя по нему ладонью. Вот здесь. Здесь обвалилась кладка, можно спокойно перелезть. Начиная с девяти вечера баба Нонна храпит в своей боковушке, дом погружен во тьму...

Кира вышла из-за сладко пахнущих кустов малины – и замерла, увидев полоску света, перечеркнувшую стену. Тотчас она поняла, что это значит. Свет горел в их с Алкой комнате, но кто-то позаботился о том, чтобы с улицы происходящего не было видно, и плотно завесил окошко. Однако оставил щелочку...

Кира сбросила босоножки и, зажав их в руках, прокралась по утоптанной тропинке, еще хранившей воспоминания о дневном солнцепеке. Затаила дыхание, пристроилась к светлой полосочке – и тихо ахнула, увидав... отнюдь не милицейскую засаду, как того можно было опасаться, а бабу Нонну. О нет, конечно, не было ничего необыкновенного в том, что квартирная хозяйка зашла в комнату двух своих подозрительных жиличек. Возможно также, не было ничего ужасного и в том, что вышеназванная хозяйка решила порыться в вещичках означенных жиличек, хотя это – вопрос спорный. Тем более что баба Нонна не просто рылась.

Перед большим зеркалом старого-престарого трехстворчатого гардероба происходила демонстрация моделей летнего сезона «Коктебель-98». Синди Кроуфорд, Ева Герцигова, Линда Евангелиста и прочие Клавы Шиффер прибыть не смогли, так что вся нагрузка свалилась на бабу Нонну, которая трудилась буквально в поте лица своего, со скоростью трансформатора напяливая на себя сарафан за сарафаном, юбку за юбкой, топик за топиком. Учитывая, что бабу Нонну бог дородностью не обидел, ей приходилось жестоко сражаться с сорок шестым Алкиным и сорок восьмым Кириным размерами. Учитывая, что бог также не обидел бабу Нонну обильной волосатостью ног, а еще наделил ее любовью к трикотажным майкам до колен, зрелище, открывшееся Кире, сначала показалось ей кадром из психологического трил-

лера. Потом она разглядела, что все сдираемые с себя вещи баба Нонна строго сортировала: одни аккуратно складывала в стопочку, другие небрежно швыряла в Кирина и Алкина баулы, стоявшие тут же, – не особенно, впрочем, заботясь о том, чтобы вещь попадала туда, откуда была взята.

Нетрудно было угадать, что здесь происходит. Баба Нонна, подобно Мыколе, уверилась, что жилищкам больше не воспользоваться их собственностью! Наверняка поселковое радио «ОБС» – «Одна Баба Сказала» – уже проинформировало бабу Нонну и об Алкиной гибели, и о том, что Кира за решеткой, – и хозяйка сочла, что руки у нее вполне развязаны. Вещи, бросаемые в сумки, она загонит на барахолке в Феодосии. А те, что складывает в стопочку, – оставит себе. Кира не сомневалась, что ее юбке-распашонке, Алкиному полосатому джемперу без рукавов и всему прочему предстоит завидная участь: превратить бабу Нонну в первую красавицу, извините за выражение, Коктебля и навсегда причаровать к ней сердце ее непостоянного ухажера, Сан Саныча, банщика из Дома творчества.

Все это было бы смешно, когда бы не было так гнусно!

Однако Кире было недосуг стоять под окошком и ждать, пока баба Нонна удовлетворит все свои тряпичные пристрастия. К тому же зрелище оскорбляло не только ее эстетические чувства.

«Это... это некрофилия какая-то! Вот именно! Самая настоящая! – подумала она разъяренно. – Алку ведь еще похоронить не успели, а я так и вполне жива!»

Захотелось хоть как-то досадить беспардонной бабе. Во всяком случае, ее следовало немедленно отсюда спроводить. Кира стиснула кулаки – и снова ощутила в правой руке тяжесть «макарова». Мелькнула дьявольски-искусительная мысль стукнуть сейчас стволом в окошко, а когда баба Нонна высунется, грозно помахать перед ней оружием. Однако Кира очень сомневалась, что бабу Нонну можно так просто свалить с ног. Скорее всего она заорет благим матом и переполошит всю округу. Не стрелять же, в самом-то деле, чтобы заткнуть ей рот!

Но что же делать, что делать-то?!

В это время баба Нонна напялила на себя Алкино вечернее платье без бретелек и со спиной, открытой ниже поясницы сантиметров на десять. Зрелище получилось то еще! И, как ни странно, именно в это мгновение Киру осенило...

На ее счастье, баба Нонна не позаботилась запереть дверь изнутри ни на что, кроме крючка, который при известной сноровке можно поддеть любым прутиком. Что и было сделано.

Кира беспрепятственно вошла в сени, немного повозилась там, а потом прокралась к счетчику и нажала на красные кнопки «автоматов».

Раздался двойной щелчок, а вслед за тем в глубине дома зашлепали босые ноги, и недовольный голос бабы Нонны пробурчал:

– Шо там такое?!

Ответа, разумеется, не последовало. Впрочем, баба Нонна отыскала его довольно скоро:

– Опять тот проклятый автомат вылетел!

Кира одобительно кивнула.

Коктебелы за восемь, почитай, лет жизни в незалежной и вильной Украине привыкли, что почти каждый вечер свет в поселке вырубает. И хоть графу Монте-Кристо, по его собственному признанию, потребовалось почти четырнадцать лет, чтобы сделаться никталопом, бывшие советские люди всегда готовы были догнать и перегнать проклятых империалистов! Все прекрасно ориентировались в темноте. Вдобавок баба Нонна знала собственный дом как свои пять пальцев.

Босые ноги бойко прошлепали по кухне, потом скрипнула дверь в сени, потом раздалось еще два шлепка, а затем – грохот, означавший, что баба Нонна угодила прямиком в рас-

ставленную Кирой ловушку. Мудрецы и экономные хозяйки учат нас обходиться подручными средствами. Поэтому ловушкой для бабы Нонны послужил ее же собственный погреб.

Кира хладнокровно прислушалась к возне своей жертвы. Ничего, в подпол свалиться – это вам не с обрыва лететь. Шевелится, – значит, жива. Теперь следовало нейтрализовать попытки бабы Нонны взывать о помощи. Если она заорет... голос у нее, как пароходная сирена!

Кира неслышно приблизилась к темному квадрату (подружка-луна очень своевременно заглянула в окошко, подсветив, куда идти, чтобы не угодить в компанию к бабе Нонне) и испустила негромкий, но глубоко-страдальческий стон.

Возня в погребе прекратилась.

– Кто тут? – послышался дрожащий бабы Ноннин голос, и Кира, застонав погромче, провыла так мученически, как только могла:

– Это я, Алла... Отдайте мое платье, баба-Нонна... Отдайте мое платье!

Этого было достаточно. Тяжелый звук подсказал Кире, что баба Нонна в полнейшем грогги, так что тишина на какое-то время обеспечена.

На всякий случай она прикрыла крышку погреба, да еще поставила сверху табурет: теперь, даже если баба Нонна очнется в рекордные сроки и задумает выбраться, Кира будет предупреждена об опасности.

И вдруг она замерла, тяжело опираясь о табурет. Еще вчера в это же время... нет, еще сегодня, часа два назад, кто мог бы представить себе доктора медицины Киру Москвину направо и налево размахивающей табуретками и пистолетами, бьющей мужиков, запирающей старух в подполе – и, вообще, взявшей на себя роль Фемиды? Да она сама первая ужаснулась бы, если бы могла заглянуть в будущее и увидеть себя такой, как сейчас!

Откуда все это взялось? Почему?

«Господи, хоть бы она там ничего себе не переломала, в погребе! Господи, хоть бы этот придурок Мыкола остался жив!» – взмолилась Кира мысленно.

Да, все это ужасно, ужасно! Но что же ей оставалось делать?! И теперь не остается ничего, кроме как продолжать начатое.

Помолившись, чтобы небеса впредь были к ней добрее и не вынуждали подчиняться обстоятельствам, тем более – таким пакостным, Кира выпрямилась и, сняв с плиты горячий чайник, быстро проникла в пристроечку, исполнявшую в бабе-Ноннинном доме роль ванной комнаты. Ужасно хотелось встать под тугую, прохладную струю летнего душа во дворе, но это было слишком опасно, а поэтому Кира, налив в таз воды, кое-как смыла с себя следы своих разборок с глиной и полынью и, прихватив фонарь, направилась в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.